

ВЛАДИМИР ТРЕТЬЯКОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ

Аннотация

Эта повесть по праву считается одной из самых интересных и читаемой среди всего того, что было написано братским тандемом фантастов — Аркадием и Борисом Стругацкими. Законченный в 1969 году, «Обитаемый остров» затем переиздавался 24 раза в 13 странах мира, а спустя ровно сорок лет свет увидел одноименный фильм, снятый Фёдором Бондарчуком и тепло встреченный почитателями творчества братьев Стругацких.

Но не только читатели постоянно возвращаются и перечитывают любимую ими повесть. Писателей она также «тревожит», и сейчас Вы держите в руках книгу, в которой Максим Каммерер возвращается на планету Саракиш, попадает в самое сердце Островной Империи, где находит ответы на многие вопросы, которые до этого мучили не только его, но и его руководителя, знаменитого Странника — Рудольфа Сикорски.

Владимир Третьяков

Возвращение на Обитаемый Остров

*«Тойво был еще школьником, а Биг-Баг проник в
Островную Империю, в самую столицу...»*

А. и Б. Стругацкие

Небольшое предисловие

Желание написать продолжение к одной из самых любимых повестей братьев Стругацких, возникло у меня очень давно, когда в который уже раз перечитал «Ветер гасит волны», и наткнулся там на то место, где есть мимолетное упоминание о возвращении Каммерера на Остров. Некоторое время идея так и сидела где-то в глубинах моего подсознания, но однажды концепция такой повести в общих чертах сложилась, и я принялся за работу. Первые шесть глав были написаны единым махом, но вот потом началось нечто, весьма напоминающее события, происходившие еще в одной работе братского тандема — «За миллиард лет до конца света» ...

Однажды, это было в 1996 году, я зашел в книжный магазин, и среди прочего увидел первый том

«Времени учеников», на котором стоял гриф «Миры братьев Стругацких». Купил без раздумий и колебаний, придя домой тут же начал листать. Быстро разобрался, что это не сами Стругацкие, а нечто совсем другое. Оказывается, популярность братьев не давала спокойно спать не только мне, но и издателю Андрею Черткову, который решил пойти на некий эксперимент: попросил известных и малоизвестных российских фантастов написать продолжение к наиболее популярным произведениям Стругацких. Предисловие к первому тому написал единственный из оставшихся на тот момент в живых — Борис Натанович. С предисловия я начал чтение, но вынужден был сделать остановку по причине учащенного сердцебиения, ибо младший Стругацкий там излагал общую идею ненаписанного, а лишь задуманного романа братьев, в котором они хотели описать... второе пришествие Максима на Острова. Запахло мистикой, и это обстоятельство надолго выбило меня из колеи. Начатая повесть на долгое время была, не то что бы позабыта, но не писалась вовсе. Лишь с наступлением третьего тысячелетия был сделан очередной рывок, который, скорее всего, напоминал страдания больной черепахи, передвигающейся со скоростью три километра в четыре месяца: страничка — перерыв на неделю, еще две — месяц. Такими темпами, параллельно работая над другими вещами, мне удалось доковылять до тринадцатой главы. И тут опять дала о себе знать мистика, в виде сообщения, о том, что Федор Бондарчук решил экранизировать «Обитаемый остров». И опять

остановка, в ожидании того, что же у него получится. Фильм посмотрел несколько раз, и, наверное, как и большинство почитателей творчества АБС, не получил полного удовлетворения. Споры нет, фильм поставлен эффектно, с размахом, но все же, тем, кто не читал саму повесть, трудно понять ее киношный вариант. Точно такое же ощущение у меня возникло после сравнения двух вариантов «Человека амфибии»: вроде бы в фильме все хорошо, но все же чего-то не хватает. С другой стороны, Бондарчук увидел свое произведение именно так, а не иначе, сумел поставить достойный фантастический блокбастер, за что честь ему и хвала. Меня же увиденный фильм подвиг на еще один рывок, на сей раз завершающий. Думаю, у моего продолжения «Острова» найдется немало критиков, а потому имею заявить следующее: я не пытался оригинальничать, а просто желал осуществить очень заманчивую идею, заглянуть за последнюю страничку «Обитаемого острова», и показать всем, какими могли быть дальнейшие приключения знаменитого Максима Каммерера.

Автор

Краткое содержание романа Аркадия и Бориса Стругацких «Обитаемый остров»

Роман был написан в 1969 году, с тех пор неоднократно переиздавался, и на сегодняшний день по праву входит в число классических произведений

фантастического жанра. Популярность его за четыре десятка лет не упала — в 2009 году известный кинорежиссер Федор Бондарчук экранизировал «Остров», и фильм снискал самые благоприятные отзывы у зрителей.

Роман Стругацких можно условно отнести к созданному писателями циклу о жизни и работе землян в XXII веке. Это был Полдень человечества, когда технический прогресс до неузнаваемости изменил планету. Космические полеты на огромные расстояния стали обыденным явлением: тысячи землян на биомеханических кораблях могли отправиться в любой неисследованный конец Вселенной, как в туристский поход. Но случались и ЧП. Так, главный герой романа Максим Каммерер, при попытке посадки на неизвестную планету был атакован метеоритом. Сам пилот остался невредимым. Поставив корабль на авторемонт, он в одних шортах отправился на прогулку по местному лесу, и спустя несколько минут услышал мощный взрыв.

Корабля больше не было, а Максим остался на чужой планете без всякой надежды когда-либо вернуться на Землю. В дальнейшем выяснилось, что его транспортное средство уничтожили аборигены-каторжники в рамках программы зачистки территории от опасных устройств и механизмов, которые сохранились после войны.

Через некоторое время Максима взяли в плен. В лагере для заключённых его подвергли допросу, приняли за горца, который не знает местного языка. Далее

Максима, в сопровождении гвардейца Гая Гаала, направили в некий научный центр, в котором его подвергли изучению (лишь значительно позже Максим понял, что он находился в телестудии, где с его мозга копировали необычные воспоминания, а вовсе не пытались вступить в Контакт). Затем Максима, уже понимающего несколько слов, забрал из центра некто Фанк и везёт в город. По дороге ему стало плохо, его вытаскивают из машины вооруженные люди, а Максим остался в одиночестве. После прогулки по городу, Максим зашел в закусочную, где встретил молодую девушку — Раду, сестру Гая Гаала, и вызвался проводить ее домой. По дороге на них напали вооруженные бандиты. Используя сверхъестественные для обычных людей физические способности землян 2157 года, Максим легко справился с бандитами.

В своем земном происхождении Максим никого убедить не может: из-за особенностей атмосферы и чудовищной рефракции поверхность планеты кажется вогнутой, и жители Саракша уверены, что живут на внутренней поверхности сферы, в единственном из существующих миров. Попытки Максима изложить настоящее положение вещей привели бы к тому, что его объявили сумасшедшим. Поэтому он говорит, что потерял память и не пытается разубедить окружающих в том, что он действительно дикарь, спустившийся с гор в Страну Отцов.

В это время его разыскивает Фанк по поручению Странника, очень влиятельного человека.

Дома у Рады Максим знакомится с ее семьей, и

благодаря Гаю Гаалу попадает в гвардию на правах кандидата.

Максим изучает официальную доктрину, согласно которой подавляющему большинству населения, поддерживающему правителей страны — мудрых и справедливых «Неизвестных Отцов», сумевших прекратить войну, противостоят «выродки» — жестокие маргиналы, пытающиеся уничтожить башни ПБЗ (противобаллистической защиты), подкупленные соседним государством Хонти. Выродков можно распознать по приступам головной боли, происходящим у них дважды в сутки в строго определенное время.

На Максима производит впечатление искренний энтузиазм, с которым население поддерживает Неизвестных Отцов и гвардию. Максим участвует в операции по аресту выродков, а затем присутствует на допросе и вынесении приговоров. Против его ожидания, выродки оказываются обыкновенными людьми, часто умными и смелыми, суды над ними быстрыми (несколько минут), а приговоры — жестокими. Максим начинает сомневаться в официальной версии. Гвардейский ротмистр Чачу назначает Максиму «испытание кровью»: приказывает расстрелять пленных выродков. Вместо этого Максим отпускает их, после чего Чачу расстреливает Максима, но тот выживает благодаря феноменальным способностям жителя Земли XXIIвека. Максим находит представителей подполья с целью узнать, что происходит на самом деле.

В это время Неизвестные Отцы, обеспокоенные экономической ситуацией в стране, решаются на войну с Хонти. Эту идею поддерживает Умник — Государственный прокурор.

Подпольщики (все они — выродки) принимают Максима и рассказывают ему, что никаких баллистических ракет у соседних государств — Хонти и Пандеи — нет. Реальное назначение башен, по словам выродков, испускать излучение, вызывающее нестерпимую головную боль у небольшой группы людей с целью объявить их врагами. Уже 20 лет подпольщики с переменным успехом уничтожают эти башни (которые, однако, в течение считанных дней восстанавливают).

Максим считает эту деятельность бессмысленной и вредной, но соглашается участвовать в операции. Ему вместе с другими подпольщиками удается взорвать башню. Но операция оказывается ловушкой сил безопасности. И Максим бежит. Он возвращается в квартиру Гая и Рады Гаал, и рассказывает им о том, что узнал, но ни Гай, ни Рада не допускают мысли о том, что Неизвестные Отцы ошибаются или лгут. Гай считает, что выродки обвели Максима вокруг пальца.

Вскоре их арестовывают. Максима и пойманных выродков посылают на юг, расчищать южные границы от старой военной техники и мин, уничтожать мутантов, строить сеть ПБЗ все дальше на юг.

Узнав об этом, Странник просит у Государственного прокурора передать Максима ему.

Прокурор соглашается, но, изучив дело Мака Сима, и поразившись его физическими характеристиками (особенно невосприимчивостью к излучению), приказывает немедленно доставить сосланного к себе, а Страннику сообщить о смерти Максима.

В лагере Максим узнает от подпольщиков всю правду о башнях. Правда оказывается ужасной. Излучение Башен на самом деле постоянно оказывают гипнотическое воздействие на людей, заставляя их слепо верить правительственной пропаганде, выполняя приказы правителей. Дважды в день излучение усиливается, вызывая у людей эйфорию и восторженное преклонение перед властями. Лишь малая часть населения, называемая выродками, не подвержена действию гипнотического излучения, однако при его усилении испытывает ужасные боли. Сами Неизвестные Отцы тоже являются выродками. «Иммунитет» к излучению дал им возможность оставаться трезвомыслящими, захватить и на протяжении долгого времени удерживать власть над страной. Расплатой становятся те же самые страдания, которые испытывают все остальные выродки и от которых не могут спасти даже сильные обезболивающие средства. Основной целью части руководителей подполья провозглашается уничтожение системы ретранслирующих башен для избавления населения от оболванивания, и особенно уничтожение Центра — главного излучателя страны. Другие руководители подполья хотят захватить контроль над башнями для своих целей. Именно поэтому назначение

башен скрывается не только властями, но и руководством подполья.

Максим решает бежать из лагеря. Территория не охраняется, но вокруг — радиация, поэтому заключённые бежать не могут. Максиму, однако, радиация не страшна (еще одна феноменальная способность землян будущего). Он ремонтирует старый танк и угоняет его (при этом Мака Сима объявляют погибшим). Совершив побег и подобрав по пути сосланного на границу Гая, Максим оказывается на юге в, некогда цветущей части империи, а сейчас выжженной атомной войной пустыне, где живут люди-мутанты, страдающие от радиации и притесняемые со всех сторон гвардией и дикими людьми с юга. После выхода из зоны действия башен, Максим рассказывает Гаю истинное положение вещей и убеждает его в своей правоте. Отсутствие гипнотического излучения пагубно сказывается на состоянии Гая — у него все проявления абстинентного синдрома.

Попытки Максима поднять восстание мутантов или убедить их вступить в союз с южными дикарями для нападения на Страну Отцов, безуспешны: мутанты слабы физически и морально; все, что им нужно — прожить ещё 10–20 лет.

После неудачи поднять восстание вождь мутантов (бывший полковник медицинской службы Империи) дарит Максиму один из последних самолетов планеты — огромный бомбовоз. Максим решает заключить союз с Островной Империей — отдаленной

страной с сильным флотом, чьи белые субмарины иногда нападают на Страну Отцов. Вместе с Гаем он летит туда. Но самолет сбивает оставшаяся со времен войны автоматическая система противовоздушной обороны. Максиму удается посадить сбитый самолет. У берега Максим и Гай находят полузатонувшую и заброшенную белую субмарину, а в ней альбом с фотографиями — свидетельствами массовых убийств жителей Страны Отцов и мутантов (в том числе массового расстрела детей), отражающими идеологию Островной Империи. Становится ясно, что ни о каком союзе с Островной Империей не может быть и речи.

Узнав, что Страна Отцов начала войну с Хонти — бывшей частью единой Империи, Максим с Гаем возвращаются в лагерь. Вместе с другими заключенными, их отправляют на фронт расчищать минные поля перед войсками. Во время боя Гай гибнет, однако Максиму удается выжить, и он попадает в Институт под руководством таинственного Странника, одного из влиятельнейших членов Правительства. Он соглашается там работать. Сам Странник находится в длительном отъезде.

Война приводит к поражению Страны Отцов. Государственный прокурор, который был сторонником войны, понимает, что за это Отцы должны казнить его через несколько дней. Он связывается с Максимом и сообщает координаты Центра, управляющего всей системой башен. Максим, используя феноменальные физические способности, нечувствительность к

излучению, уничтожает Центр. При попытке убить Странника, который до этого момента кажется главным злодеем, выясняется, что тот на самом деле является землянином Рудольфом Сикорски, работником Галактической безопасности. Странник обвиняет Максима в том, что тот своей самодеятельностью испортил тщательно подготовленный план спасения планеты Саракш, и указывает на его промахи. Так, лучевое голодание в 20 % случаев заканчивается шизофренией; для восстановления экономики и хозяйства требуется дезактивация практически всего почвенного покрова планеты; на государство надвигается голод и инфляция. Кроме того, Островная Империя готовит крупное вторжение в Страну Отцов, остановить которое без «черного излучения» (излучение, вызывающее тяжелую депрессию) представляется затруднительным.

Максим желает остаться на Саракше, но Сикорски настаивает на том, чтобы он вместе с Радой отправлялся на Землю.

Глава 1

Противный, словно пищащий комар, зуммер видеофона, способный разбудить даже мертвецки усталого человека, буквально, подбросил Максима на постели. Он посмотрел на светящееся табло часов и увидел там цифры — 4: 30.

«Какого черта!», — пробормотал Максим и, сгоняя остатки сна, крепко потер руками лицо. Затем сунул ноги в шлепанцы и подошел к аппарату.

Все еще недоумевая по поводу столь раннего звонка — такого не бывало с момента его возвращения на Землю, он надавил клавишу приема. Экран засветился, и на нем появилось лицо человека, которого Максим менее всего ожидал сейчас увидеть. Это был знаменитый Рудольф Сикорски, он же Странник собственной персоной!

Прошло уже около двух лет с того времени, когда они расстались, причем совсем не дружески. Говоря точнее, разошлись они почти врагами: Сикорски так и не простил экс — сотруднику ГСП его грубого вмешательства в дела резидентуры землян на планете Саракш, и отправил Максима в изгнание примерно с теми же выражениями, которые обычно произносит хозяин нашкодившего на кухне кота. Сделано это было очень грубо, да еще и в присутствии таких людей, у которых Макс Сим считался непререкаемым авторитетом. Вторая сторона конфликта также не осталась в долгу, вспылив от незаслуженных оскорблений, и в ответ, наговорив много нехороших слов, чего до этого никогда в отношении старших себе не позволяла, но уж очень ей было обидно тогда.

И вот теперь, спустя уйму времени, обидчик

звонит и, наверняка, вовсе не для того, чтобы просить прощенья за прошлые обиды. Извинения в четыре тридцать утра, вряд ли смогут сгладить конфликт, скорее наоборот, еще больше усугубят нанесенное ранее оскорбление. Нет, скорее всего, жажда примирения здесь все же вторична, а на первом плане у Странника что-то другое.

Максим прикоснулся к клавише «ожидание», отошел на несколько шагов назад, прислонился к спинке кровати и не без злорадства принялся изучать на экране изображение унылой физиономии Сикорски.

«А ведь Странник, гроза всех Неизвестных Отцов, самый непонятный и непредсказуемый для них человек в их же собственной стране, довольно здорово сдал за этот год, — подумал Максим. — Вроде, даже, как постарел. Хотя, возможно, это у него от недосыпу».

Сикорски, действительно, выглядел неважно. На его лысом, как коленка, черепе ясно просматривались темные пигментные пятна, говорящие о том, что резидент землян на Саракше, никогда не страдавший избытком здоровья, в последнее время стал уделять ему непозволительно мало внимания.

Вдоволь насладившись изучением внешнего вида своего оскорбителя, Максим, наконец, вздохнул, переключил видеофон на холл, заботливо

поправил одеяло на разметавшейся во сне Раде, и вышел из спальни, плотно затворив за собой двери.

— Добрый вечер, Рудольф! — Максим постарался вложить в свое приветствие весь сарказм, на который только был способен в этот момент.

— Вечер? — растерянно произнес Сикорски, поднимая на него глаза. — А, ну да! Прошу прощения за то, что потревожил тебя... — он потер пятерней лысину и, без всякого намека на смущение, добавил:

— Еще раз извини, но мой звонок вызван обстоятельствами настолько чрезвычайными, что я не счел возможным откладывать его до более подходящего времени. Можешь поверить, у меня сейчас на счету каждая минута.

— А почему вы считаете, что ваши «считанные минуты» идут хоть в какое-то сравнение со временем моего отдыха? — Максим откинулся на спинку кресла и постарался придать голосу полное безразличие к собеседнику. — Мне помнится, некоторое время тому назад вы вполне определенно и категорично, в уничижительном тоне, высказались по поводу моего возраста, и моих же умственных способностях. С тех пор я повзрослел незначительно, да и, надо полагать, остальные мои качества увеличились не на много. Так что же произошло с вами, Рудольф, неужели вы

готовы взять свои прежние слова обратно и, наконец-то, извиниться передо мной. Ведь я вам теперь зачем-то понадобился, или я опять не прав, а?

— Я знаю, что обидел тебя, — поспешно ответил Сикорски. — Все сказанное мною, было выплеснуто в запале и я, возможно, не отдавал себе отчета в том, что говорил. Да, я, действительно был зол на тебя, но на то имелась причина. Еще бы, разрушить такую стройную систему! Столько лет упорного и кропотливого труда швырнуть собаке под хвост! Так что, сам понимаешь, я не робот, а живой человек, со всем набором соответствующих эмоций. Но, если ты считаешь себя оскорбленным, то постарайся понять меня и извинить. А сейчас, довольно ребячиться и становиться в позу, потому что мне без тебя нынче не обойтись. Было время, когда мы уклонялись от взаимных объятий, а теперь должны протянуть друг другу руки. Кстати, — Сикорски постарался изобразить на лице подобие улыбки, хотя чувствовалось, что это ему дается не без труда. — На Саракше в определенных кругах тебя считают ... м-м-м... как бы это поточнее сказать... Ну, в общем, ты там, в каком-то смысле, национальный герой, что ли. Я думаю, тебе приятно будет узнать об этом.

Это была откровенная лесть и в этот момент Максим вдруг почувствовал, что больше не

испытывает ни капли ненависти к этому бесконечно усталому и раздраженному человеку. Да и позвонил он неспроста. Не станет Рудольф Сикорски от нечего делать вести праздные разговоры и совершать реверансы просто так. Чего-то ему нужно, причем позарез и не от кого-нибудь, а именно от него, Максима Каммерера. Что-то у него там, на Саракше стряслось, и он, тот, кого на этой планете знали как Странника, сейчас нуждается в помощи бывшего легионера, подпольщика, каторжника Мак Сима. Ему вдруг стало стыдно за свое чересчур амбициозное поведение, он смутился и не без труда выдавил из себя:

— Не стоит... Я слушаю вас. Что там случилось?

Сикорски, казалось, только и ждал этого вопроса. Он заговорил быстро, но отчетливо, тщательно проговаривая каждое слово, как будто перед этим долго репетировал свою речь.

— Мак, мне нужно немедленно встретиться с тобой. У нас там, на Саракше, произошло нечто такое, о чем бы мне не хотелось говорить по видеофону. Нужен непосредственный контакт с тобой.

— Но почему именно я? — немного растерянно спросил Максим.

— Этого в двух словах не расскажешь, нужно обязательно увидеться. Ты не против?

— Ну, раз такое дело, то, пожалуй... — Максим, не ожидавший такого напора, сдался.

— Как мне найти твой дом? — Сикорски уже превратился в прежнего Странника и заговорил тоном делового человека. От его прежней усталости, казалось, не осталось и следа.

— Мой номер вы, надеюсь, знаете. От «нуль» кабинки направо по тропинке. Там есть доска с указателем. Усадьба «Мак Сим». Если хотите, я вас встречу минут через пять.

— Нет, не получится. Сегодня на вашем направлении нуль — транспорт не работает — профилактика. Я буду у тебя на флаере, минут через сорок.

— Тогда ориентируйтесь на юг от города. Я включу над моим домом красно — зеленый маячок. Его будет видно издалека.

— Ну, хорошо, тогда жди! — сказал Сикорски и отключил связь.

С минуту Максим сидел в задумчивости, переваривая все услышанное. Поняв, что все сможет проясниться только после того, как Рудольф приедет, он перестал ломать голову, шлепнул себя ладошками по голым коленкам и направился в бассейн.

Прохладная вода сомкнулась над ним и, не выныривая, Максим проплыл до противоположной стенки, оттолкнулся от нее ногами, и дальше уже

шел по инерции, лишь слегка шевеля ногами. В центре бассейна он всплыл на поверхность, и немного полежал на спине, отдыхая.

Да, с момента окончания эпопеи на его Обитаемом Острове пролетело почти два года. Помнится, вернулся он тогда на Землю совершенно ошеломленным и смятенным. Путешествовать где бы то ни было, Максиму больше не хотелось — впечатлений, полученных на Саракше, хватило надолго и с лихвой. Другой работы, которая бы захватила, увлекла его всерьез и надолго, в ближайшем обозримом будущем не предвиделось. Тогда он решил взять тайм — аут, и какой-то период жизни посвятить себе и той, за которой был теперь в ответе. Максим вряд ли смог бы сейчас ответить на вопрос, когда же в нем проснулась любовь к Раде. Там, на Саракше, в чужом и, порой, страшном мире, она и ее брат Гай стали для него самыми близкими существами. Еще тогда Максим поймал себя на мысли, что думает о них как о людях, а не как о жителях другой планеты. Это была или какая-то необъяснимая загадка природы, или нечто другое, но опять же загадка, которую еще предстояло разгадать ученым, но представители Саракша в генетическом плане ничем не отличались от землян. И все же они уступали своим собратьям — атомная война, недавний голод и лишения не могли не наложить отпечатка на

некогда красивую расу. Немного позднее Максим узнал, что эта планета не единственная, где наблюдается подобный феномен. Надежда, Гиганда — здесь также жили гомо сапиенс.

Некоторые ученые пытались объяснить подобную диковинку промыслом неких «высших сил», очень давно осуществивших в Галактике «Великий посев», и подобное заявление даже породило кое — где религиозный всплеск, впрочем, незначительный. Возможно, такие предположения были верны, но Максиму вовсе не хотелось ломать себе голову над этой проблемой. Его любви к Раде она никак не касалась. Есть глобальная проблема, а есть конкретная любовь, и точка. А уж как там все когда-то получилось — при посредстве, или же как-то само по себе, не суть важно.

От праправнучек Евы Рада все же отличалась, но не внешностью (тут она уступала многим), а, скорее, духовно. Возможно, именно такими были женщины Земли несколько веков тому назад, когда умели посвящать себя любимому человеку целиком и полностью, а в случае необходимости могли и защитить его от различных напастей. Таких теперь уже, наверное, и не осталось — институт семьи постепенно изжил себя, и это вполне объяснялось настоящим равенством не только обоих полов, но и всех людей. Да к тому же, когда в мире так много всего интересного, чего ты еще не видел

собственными глазами, не трогал руками, и все это можно посмотреть, пощупать, забота о единственном человеке неизбежно отступает куда-то на задний план, становится лишь одной из граней огромного и прекрасного кристалла под названием Жизнь.

Рада была совсем другой. Для нее Мак, особенно в самом начале их знакомства, был чем-то вроде божества. Она, правда, никогда не падала перед ним на колени и не возносила к нему молитвы. Даже наоборот, бывало, поругивала за некоторые мелочи, вроде брошенной как попало обуви, или неубранной посуды, которые он, со свойственной ему привычкой мыслить глобально, частенько допускал. Но даже в такие моменты ее огромные серые глаза излучали такое количество душевного тепла, от которого нельзя было не растаять. Так на Максима смотрела только мать.

Рада оказалась на редкость прилежной и способной ученицей. Уже через месяц упорных занятий она вполне сносно говорила по-русски, а небольшой акцент, мягкость произношения, совсем не портили ее речь, а напротив, придавали ей какое-то особенное очарование.

Параллельно с учебой молодая семья начала строить дом. Место для него было выбрано в малолюдном месте, подальше от чудес цивилизации. Сделал это Максим специально из

опасения за психику жены: как ни крути, а Рада, прибыла на Землю с отсталой планеты. Конечно, он много рассказывал ей о том мире, в котором ей предстояло отныне жить, но когда воочию видишь величие технического прогресса братьев по разуму, буквально, на каждом шагу, с непривычки это как-то угнетает и вполне может вызвать приступ депрессии.

Опасения Максима оказались напрасными. Период адаптации Рада перенесла стойко. Она не особенно удивлялась тем бытовым чудесам, которые окружали ее, и большинство из них стремилась переиначить на свой лад. Хотя не обошлось и без некоторой доли комичного. В первый же день пребывания на Земле, когда молодые супруги поселились в пустующем коттедже на берегу реки, Максим на несколько минут отлучился, а когда вернулся, увидел Радку сидящей на шкафу. Подтянув колени к подбородку, она убеждала робота — уборщика не трогать ее, причем автомат, при звуках незнакомого для него языка, что называется, «завис» и, забыв о своей основной работе, бесцельно елозил по полу взад — вперед. Максим пнул робота, чем привел его в нормальное состояние, а снятой со шкафа Раде еще раз прочитал лекцию о том, чего нужно бояться, а чего нет.

Дом у них получился потрясающим. Он

сочетал в себе привычные для Рады формы зданий Саракша, кстати сказать, отличавшихся очень рациональной архитектурой, и имел полный набор удобств, привычных для Максима, включая крытый бассейн и небольшой зимний сад. Против последнего Рада категорически не возражала.

Строили сами, и только в особо тяжелых случаях призывали на подмогу киберов. Иногда на стройку захаживали любопытные соседи. Кто-то восхищенно ахал, кто-то, напротив, недоуменно пожимал плечами, совершенно искренне не понимая, зачем нужно тратить драгоценное время и силы на подобную стройку, когда вокруг полно пустующих коттеджей.

Кухню Рада целиком планировала сама, причем настояла на том, чтобы Максим установил в ней привычную для нее электроплиту, вознамерившись готовить самостоятельно. Линии доставки пищи она не доверяла, говоря, что в любое блюдо, если хочешь сделать его вкусным, повар обязательно должен вкладывать кусочек своей души. «А у вас готовят бездушные автоматы, потому и пища такая безвкусная!».

Максим, уже знакомый с ее кулинарными способностями, вынужден был согласиться с такой железной логикой, и занялся поисками необходимой плиты. Это потребовало прямо таки гигантских усилий и, в конечном итоге, ему не

удалось найти ничего удовлетворительного. Пришлось заказывать промышленный агрегат и самостоятельно переделывать его, подгоняя под размеры помещения. Но зато теперь Рада закармливала мужа разнообразными вкусностями, умело сочетая поварской опыт сразу двух миров.

Другим ее увлечением были зимний сад и небольшой огород, разбитый на заднем дворе. Рада где-то доставала семена совершенно немислимых овощей, а затем с любовью и тщанием выращивала их. Максим поначалу посмеивался, но потом начал помогать, и совершенно неожиданно для себя втянулся в это увлекательное занятие. Потом Рада начала его учить готовить и небезуспешно. Так, незаметно, в трудах и хлопотах, как-то удивительно гармонично, пролетели эти два года, и, казалось, ничто эту гармонию не сможет нарушить. А вот сегодня этот ранний звонок...

Максим перевернулся на живот, в несколько мощных гребков, доплыл до стенки бассейна, выбрался из него и, набросив на голое тело купальный халат, отправился на кухню готовить завтрак.

Глава 2

— Это ты здорово придумал — насчет завтрака, — Сикорски поддел вилкой кусок

поджаренной ветчины, и отправил его в рот. — Признаться, сейчас не могу даже припомнить, ел ли я хоть что-нибудь за эти двое суток. Хотя спорамину за это время мною изничтожено огромное количество — никак не меньше упаковки. На одном спорамине и держусь. Но питаюсь одними лишь таблетками — это сам понимаешь...

Он аккуратно промокнул корочкой хлеба остатки яичного желтка, прожевал, затем отхлебнул из кружки кофе и, оглядевшись по сторонам, добавил:

— И вообще, хорошо тут у тебя. Наверное, такую технику нынче можно найти лишь в музее. Сам творил?

Максим усмехнулся и любовно огладил сверкающий никелем агрегат:

— Что-то сам, а что-то пришлось изуродовать до неузнаваемости. Вот эту микроволновку, к примеру. Но, в общем-то, да, все своими руками.

— Замечательно! — еще раз восхитился Сикорски. — Ничего не скажешь, руки у тебя растут, откуда надо. — Он отставил кружку в сторону и, посерьезнев, сказал. — А теперь — к делу.

Расстегнув молнию на куртке, резидент КОМКОНа полез во внутренний карман, достал оттуда несколько кусочков картона и протянул их Максиму:

— На, посмотри.

Это были фотографии. Но не привычные стереоснимки, а обычные, плоского изображения, правда, цветные, очень хорошего качества. Максим взял их и начал рассматривать. На всех фотографиях центральным персонажем представлял один и тот же молодой человек, почти во всех случаях в военной форме. Лишь на первом он был в плавках и стоял на пляже в компании двух весьма привлекательных девушек. На заднем плане виднелась прогулочная яхта. Все трое улыбались и пребывали, надо полагать, в довольстве собой и выпавшим на их долю отдыхом. Максим смотрел на снимки, отмечая, что лицо парня кажется ему знакомым.

— Где-то я, по-моему, его уже видел, — пробормотал Максим, вновь перебирая снимки.

Он остановился на том, где военный был снят на фоне какого-то старинного здания, стоявшего на набережной.

— Черт, — вырвалось у Максима. — Но ведь это же офицер флота Островной Империи. И откуда, в таком случае, я могу его знать? — Он перевел глаза на следующий снимок, где моряк был уже не один, а в группе ему подобных офицеров. Они стояли на пирсе, а фоном им служила...

— Белая субмарина... — как замороженный прошептал Максим.

— Что, знакомая штучка? — деловито осведомился Сикорски.

— Еще бы — знакомая! — воскликнул Максим. — Осязал, можно сказать, вот этими самыми ладошками. И даже в чреве одной такой побывал, правда, подбитой.

— Это где же ты успел? — живо поинтересовался Сикорски.

— На побережье, — ответил Максим. — Мы тогда с Гаем, братом Рады, сбежали с каторги и решили попутешествовать немного. Дошли до моря и наткнулись. Она, видно, на мель попала, а тут береговая охрана подросла. Поковыряли ее из танков прилично. М-да... Было дело... — он еще раз перебрал фотографии и с задумчивым взглядом бросил их на столешницу.

— Кстати, а как там твоя Рада? — поинтересовался Сикорски.

— Она вовсе не там, а в спальне, — отшутился Максим. — Нормально, Рада. Гораздо лучше, чем можно было ожидать. Похоже, что все блага нашего мира ее как-то не очень и тронули. Хотя, со своей стороны, я постарался сделать все, чтобы ее не захлестнула волна чрезмерных впечатлений.

— Вас, а вернее сказать, ее, как я слышал, пытались даже... м-м-м... как бы, исследовать? Шутка ли — первый брак между представителями

разных планет...

— Ага, пробовали, — мрачно произнес Максим. — Потом перестали пробовать. Это когда один из этих исследователей ступеньки на моем крылечке собственным копчиком пересчитал.

— Суров ты, однако. Что так?

— Я их сразу честно предупредил, чтобы они не лезли в мою личную жизнь со своими приборами и вопросами. Это для них она инопланетянка, а для меня Рада, прежде всего, жена, такая же, как у любого из этих ученых. Человек, а не бессловесный кролик для опытов. Не хотим мы, чтобы над нами ставили всякие дурацкие эксперименты. Хотим просто жить и любить друг друга. Она, потому что роднее меня у нее никого не осталось, а я, потому... да просто потому, что, черт побери, люблю, и все тут! Только вот...

— Что? — живо поинтересовался Сикорски.

— Да ребенка она хочет, — тихо произнес Максим. — Да и я, собственно, не против. Но... пока что-то у нас не получается. Не знаю в чем причина — у каждого из нас порознь, вроде бы все в порядке, а вот вместе — пока никак. Еще в самом начале доктора нам сказали, что между нашими расами никаких различий нет.

— Наверное, все же какие-то есть, — сказал Сикорски. — Хоть и немного, но и этого, незаметного даже для микроскопа, порой, бывает

достаточно. Другой состав атмосферы, фон, опять же... Они ведь там у себя еще сравнительно недавно атомными игрушками баловались, так что... да даже рацион питания способен в ряде случаев... — он ободряюще улыбнулся. — Ничего, не унывайте, получится у вас! В крайнем случае, медицина поможет. Она у нас на многое способна, да и народ там, все больше пытливый и любознательный. Им только свистни, так они мигом прибегут, забудут враз, каким местом ступеньки считали.

— Не, — твердо сказал Максим. — Я хочу сам. Чтобы все шло естественным порядком. Пока, во всяком случае. А там видно будет.

Он вновь перевел взгляд на фотографии, взял их в руки, перебрал раз, другой и сменил тему:

— И все же я никак не могу отделаться от чувства, что где-то видел этого типа...

— Видел? — Сикорски был явно доволен произведенным эффектом. — Пожалуй, что да, ты мог его видеть, причем ежедневно. Ну-ка подойди к зеркалу и посмотри на него еще раз.

— Точно! — воскликнул ошеломленный Максим. — Вылитый я! Только у него волосы потемнее и глаза... Массаракш! — вырвалось у него ругательство, от которого он так и не избавился со времен, проведенных на Саракше. — Нет, ну как похож, как будто нас родила одна и та

же мать! Так значит, в Империи проживает мой двойник?

— До недавнего времени так и было, проживал, — флегматично отозвался Сикорски.

— То есть? — не понял Максим. — А сейчас он где?

— Этот твой двойник, вот уже... — Сикорски вскинул руку к глазам, — вот уже шесть часов, как находится у нас... как бы это сказать... в плену, пожалуй, но об этом пока еще не знает, потому как, пребывает в данный момент в бессознательном состоянии.

— А подробнее можно? — хмуро спросил Максим. — От начала и до конца, ибо родилось у меня ощущение того, что вы, с вашим богатым, но несколько гипертрофированным умом, замышляете в отношении меня и этого парня какую-то комбинацию.

— Я попросил бы тебя не оскорблять мой ум, хотя я не очень-то и обиделся. На этой проклятой планете уже через несколько месяцев начинаешь думать совсем иначе, чем у нас. Как ни крути, а бытие — определяет сознание, и от этого никуда не денешься. А в отношении плана — ты прав. План есть. — Сикорски пододвинул кружку. — Ну-ка плесни мне еще кофейку, а потом я тебе расскажу, чего я замыслил.

Максим машинально налил кофе и

приготовился слушать.

— Тебе, наверное, известно, — продолжил Сикорски, — что все наши попытки внедрить на Островах хотя бы одного агента до сих пор заканчивались полнейшим провалом?

— Да, слышал, — подтвердил Максим. — Павлов, потом, кажется еще, этот, как его, Гривс? — Он пощелкал пальцами, пытаясь вспомнить другие фамилии.

— Гржимек, — подсказал ему Сикорски. — Иржи Гржимек, Эндрю Робсон. Они погибли, пытаясь проникнуть на Острова. Джонни Гривс, во всяком случае — это уж точно. Радио Островов сообщало о его казни, а об остальных у меня просто нет сведений. Они исчезли, пропали, как будто их и не было. Все правильно, попытки проникнуть туда закончились ничем, а попасть туда и закрепиться на Островах, нам крайне необходимо. Мы ведь до сих пор не имеем об Империи почти никаких достоверных сведений — так, одни ветхозаветные легенды. Радиоперехваты их передач нам мало что дают. Там, по большей части, обычная пропагандистская трескотня. Предположительно — у власти находятся военные — верхушка командования флотом. Они-то и способствуют постоянному нагнетанию в стране милитаристской истерии, запугиванию населения опасностью военного вторжения к ним. Мол, если враг завоюет

их страну, то разрушит веками создававшееся гармоничное государственное устройство и самобытную культуру народа. С другой стороны — Островная Империя сама является постоянным источником агрессии. Несколько попыток массированного десанта ликвидированы уже при мне, а, сколько их было до меня, и сколько их предпримут еще!? Так что — человек там нам нужен, буквально, позарез, и никакой-то простолюдин, а обязательно знатного происхождения, в идеале, даже, с примесью императорской крови. Что бы он мог как-то снабжать необходимой и достоверной информацией из самых верхов, а при необходимости — мог влиять на те или иные события. Короче, нужен не просто шпион, а супер — агент. Но... Острова окружены практически непроницаемой обороной. Их система ПВО сбивает все летящие предметы, величиной крупнее голубя, да и по морю тоже... все настолько густо заминировано... А коды они меняют круглосуточно.

— Да, — задумчиво протянул Максим, — плохо дело. Не зная коду — не суйся в воду. Значит, выходит, что у нас с Гаем и по воздуху туда добраться не было ни единого шанса?

— А вы что, пытались? Это когда же? — Сикорски удивленно вскинул брови вверх.

— Да все тогда же, — Максим откинулся на

спинку стула. — Когда я с каторги сбежал, да заодно и Гая с собой прихватил. Мы ведь как на побережье-то оказались? Мы ведь на Острова на бомбовозе летели. Да не долетели — сбила нас ракета — автомат. Вот мы и рухнули, аккурат, возле берега.

— На бомбовозе?! — изумился Сикорски.

— Точно так! — подтвердил Максим. — После побега мы попали к «мутантам», и они подарили нам изумительный самолет. Личный бомбовоз принца... не то Кирту, не то — Вирку, сейчас уже и не вспомню. А назывался он «Горный орел». Это запомнил. Страшно громадный, величественный, но тихоходный. Это его и подвело. Так что, не судьба нам тогда была до Островов добраться. Так и так сбили бы. Но, извините, я, кажется, вас перебил?

— Угу, — мотнул головой Сикорски. — В общем, попасть на Острова у нас не было никакой возможности. Но, лишь, до вчерашнего дня.

— А что же произошло вчера, — подобрался Максим, — Я весь внимание.

— Вчера наши ребята засекли одну белую субмарину. Всплыла он недалеко от берега — километрах в пяти. Наша команда прибыла на место, но никаких активных действий не предпринимала — просто сидели на прибрежных камнях и ждали. Через пол — часа дождались.

Внутри субмарины раздался взрыв и она начала медленно тонуть. Наблюдатели не растерялись, на лодку, на всякий случай, опустили силовой купол, затем обследовали субмарину и обнаружили там трех еще живых моряков, находящихся в бессознательном состоянии. Среди них был и твой двойник. Вскоре на место происшествия прибыл я, и когда увидел того офицера, то понял, что имею тот самый шанс, которого ждал так долго. Похож он на тебя — изумительно!

— То есть, я так полагаю, что вы хотите каким-то образом осуществить подмену, так? Но... — Максим встал, взъерошил еще немного влажные после купания волосы, сделал несколько шагов по кухне, снова сел. — Но как? Я ведь даже языка не знаю, не говоря уже обо всем остальном. Обычаи там, другие специфические особенности, включая владение в совершенстве профессией офицера подводника! Да одна лишь подготовка всего этого перечня займет чертову уймаищу времени. Я ведь не самоубийца, и прекрасно понимаю, что мало одной лишь похожести. Здесь нужно быть похожим идеально, до единой, даже самой мельчайшей родинки. Но и тогда остаются такие существенные «мелочи», как отпечатки пальцев, радужная оболочка глаз и тому подобное, образцы которого, при их-то режиме секретности и тотальной бдительности, наверняка, хранятся

где-нибудь в Имперском Адмиралтействе в большом сейфе. Да и, кроме того, у этого парня есть какие-то индивидуальные особенности, всем известные привычки, любимые словечки, наконец, о которых знает весьма узкий круг людей, и которых не буду знать я. Да меня же там расколуют в два счета! Нет, Рудольф, по-моему, вся эта ваша затея очень сильно пахнет авантюрой в чистом виде.

— Во! — Сикорски торжествующе поднял указательный палец вверх. — Ты зришь в самый корень, и тысячу раз прав. Есть целый набор индивидуальных особенностей, на изучение и овладение которыми можно угробить очень много времени, но идентичности добиться все же не удастся. Можно «сделать» тебе новые отпечатки пальцев, радужку глаз, скопировать все родинки с искомого образца. На это уйдет не так много времени. Но на знание языка, профессии, любимых словечек, индивидуальных черт характера... Тут ты прав. Но, и не прав. Есть один человек, который, в буквальном смысле, за пару часов способен превратить тебя в кого пожелаешь, в том числе и того, кто нас в данный момент интересуется. Ты про институт мозга что-нибудь слышал?

— Нет, — подумав несколько секунд, ответил Максим, — такого что-то не припоминаю.

— Оно и неудивительно. Его деятельность

уже давно свернули, а сам институт ликвидировали после одного достаточно трагического инцидента. Случилось он уже довольно давно. Но осталась лаборатория, о которой знает лишь очень ограниченный круг лиц. Так вот, опыты в этой лаборатории не прекращались ни на один день и, надо сказать, они там добились весьма впечатляющих результатов.

Сикорски сделал паузу, посмотрел на Максима, который сидел, слегка приоткрыв рот, и продолжил:

— Так вот, руководит этой лабораторией мой однокашник и старый приятель — Ян Комарницкий. Я уже связался с ним и вкратце, не особенно вдаваясь в детали, обрисовал ситуацию. Он внимательно меня выслушал и подтвердил наш достаточно давний разговор о возможности совмещения в одном теле двух мыслящих субстанций. Не стану пудрить тебе мозги специальными терминами, я и сам там далеко не все понимаю, скажу только, что Янек умеет, как бы, «подселать» «Я» одного человека, в мозг другого. Поначалу это задумывалось на тот случай, если вдруг, скажем, умирал какой-нибудь гений. Чтобы продлить ему жизнь, всю информацию с его мозга, все, что он знает и умеет, должны были пересаживать другому человеку. При этом тот оставался самим собой, но, одновременно получал

колоссальный опыт, навыки и знания гения. Ну что, теперь понял?

— Чего уж тут не понять! — хмуро отозвался Максим. — После того, как вы мне все так просто и доходчиво объяснили...

— Но могут возникнуть два вопроса, — не обращая внимания на иронию собеседника, сказал Сикорски. — Первый: не сможет ли разум «гения» подчинить себе «нормального»? Отвечаю на него отрицательно: нет, не сможет. Я специально этим интересовался. Ян что-то делает для того, чтобы тот, кого посадили, оставался личностью подчиненной. Второй вопрос, пожалуй, наиболее щекотливый. Как ты, человек с нормальной, со здоровой психикой, сумеешь «переварить» личность в чем-то ущербную?

— Не понял...?

— Ну, как бы тебе объяснить! — Сикорски покусал губы. — Никто ведь не знает, что внутри у того парня. Вдруг он садист, растлитель малолетних детей, убийца, наконец, ну и так далее... Как отреагирует твоя психика на его память, привычки? Это ведь, я тебе скажу, перегрузки, почище любой центрифуги. Сможет ли твоя здоровая психика перебороть дурные инстинкты, и не приведет ли этот эксперимент к печальному финалу? На этот вопрос я могу тебе дать только один ответ: не знаю. Не знаю,

братец! — он нервно забарабанил пальцами по крышке стола. — Тут последнее слово — за тобой. Давить на тебя я не могу и не хочу, ты личность свободная, мне не подчиненная и присягу на верность никому не дававшая. Скажешь — «да» — будем пробовать. Откажешься — никто тебя не осудит.

Сикорски замолчал. Молчал и Максим, обдумывая ситуацию. Он прекрасно понимал, что его собеседник, да и вся миссия землян на Саракше, ждали этого случая очень давно и, если сейчас его упустят, то неизвестно, сколько еще времени уйдет на бесплодное ожидание другого такого шанса. С другой стороны, даже если все пойдет удачно, и он сумеет благополучно попасть на Острова и закрепиться там, то выполнение задания может растянуться не на один — два месяца. Возможно, понадобится даже не один год. Но возможен и другой вариант, когда все с самого начала сложится плохо. Оставить Раду в такой ситуации одну — об этом даже страшно подумать.

Сикорски, похоже, угадал направление его мыслей:

— Я понимаю, как нелегко тебе сейчас принять решение. Молодая жена, новый дом... Но ты ведь не сможешь вечно так жить! Если бы я не знал твоего характера... Месяц, может быть год пройдет — ты все равно станешь искать себе

работу. И не простую, а рискованную, чтобы адреналин клокотал и фонтанировал. От этого ты никуда не уйдешь, не убежишь. На Земле, или на Саракше, но ты будешь искать приключений, опасных приключений, потому что мирный труд огородника — это не твое. Ну, так как? — и выжидающе посмотрел на Максима.

Тот, сидевший потупившись, поднял глаза и сказал:

— Конечно, вы правы, я не создан для спокойной жизни и рано или поздно... Как я понимаю, времени на раздумье у меня нет, и окончательный ответ вы хотите получить прямо сейчас, сию минуту?

— Да, — деревянным голосом произнес Сикорски. — Именно так, времени на долгие размышления нет.

— В таком случае..., - Максим выдержал небольшую паузу и решительно закончил. — Я принимаю предложение и готов приступить к работе под вашим началом в том качестве, которое вы мне определите.

— В таком случае — почему ты до сих пор еще сидишь, а не бежишь переодеваться? Вперед! Или ты решил поехать к Комарницкому в этом халате?

Они встали, и в это момент дверь кухни открылась и на пороге появилась заспанная Рада.

— Мак... Ой! — вскрикнула она, заметив постороннего, и в смущении подалась назад.

— Подождите! — бросил Максим. — Я сейчас... — и вышел вслед за супругой.

Сикорски остался один и от нечего делать принялся разглядывать натюрморт, висевший на стене. Через несколько минут дверь открылась и Максим, уже одетый, окликнул его:

— Идемте, все улажено!

Они вышли из дома и двинулись по мокрой от росы траве на площадку флаеров. Сикорски сел первым, включил двигатель и только потом оглянулся на сажающегося сзади Максима:

— Что ты ей сказал, правду?

Тот, смущенно глядя в сторону, выдавил:

— Я сказал ей... только часть правды. То, что улетаю на Саракш. Но, при этом я умолчал, насколько это может быть опасным, — помолчав немного, он добавил:

— По-моему, она все поняла, и я сейчас чувствую себя последней сволочью.

— Почему, ведь ты ей не соврал? — Сикорски недоуменно вскинул брови.

— Знаете, что она мне сказала? Что любит меня, и будет ждать сколько угодно долго, потому что с ней остается частица меня.

— Как это, тебя...?

— А так. Ребенок у нас будет! Вчерашний

тест оказался положительным.

— Да ты что! — Сикорски в изумлении покачал головой, а затем положил свою ладонь на руку Максима.

— Ничего, все нормально, сынок! — сказал он. Не бери в голову — все будет хорошо.

Глава 3

— Ян Викторович! — раздался испуганный женский голос из громкоговорителя. — У нас на главном блоке пошла перегрузка!

Через огромное окно, соединяющее операционный бокс с комнатой наблюдения, Сикорски увидел, как вокруг столов, на которых лежали Максим и моряк с белой субмарины, засуетились люди в белых халатах. Двое подбежали к огромному, похожему на шкаф, транслятору и озабоченно уставились на мерцающие огоньки индикаторов на передней панели. Их цвет из желтого постепенно начал превращаться в ярко красный, предупреждая об опасной перегрузке. Тело моряка на первом столе едва заметно начало подрагивать. А на соседнем, где лежал Максим, белая простыня, прикрывавшая его, вдруг отлетела в сторону, открыв мускулистое обнаженное тело, которое начало биться в сильнейших конвульсиях, как будто попало под мощные разряды

электрического тока. Суета вокруг этого стола стала напоминать панику.

Комарницкий тряхнул копной рыжих волос, поморщился, как будто его самого сильно ударило, и крикнул в стоящий на столе микрофон:

— Спокойно, ребята! Семен, кончай ночевать и плавно переходи на дублирующий фильтр! Только мягко, без рывков, ты меня понял? И без паники, работа продолжается! Мари, уменьши нагрузку на два деления, но опять же, плавненько. Ничего, тише едешь — меньше кочек замечаешь.

Один из его помощников, стоящих возле транслятора, вероятно едва не заснувший Семен, что-то повернул на передней панели. После этого рубиновый цвет индикаторных лампочек вновь начал меняться на желтый, а тело Максима постепенно успокоилось. Его вновь накрыли простыней, и уже через несколько минут ничего в боксе не напоминало о прежней суматохе. Каждый опять был занят своим делом.

Комарницкий достал из кармана портативный видеофон и набрал номер. После нескольких гудков на маленьком экране появилось круглое лицо что-то жующего молодого человека, который, увидев того, кто его вызывал, широко и радостно улыбнулся.

— О, Ян Викторович! Рад вас видеть и слышать. Чему обязан?

Комарницкий сдвинул густые брови и сразу же стал похож на грозного льва, изготовившегося к прыжку на свою жертву.

— А вот я, Анатоль, как-то не очень рад тебя слышать, а, тем более, видеть. Ты чего, милый друг, мне опять халтуру подсовываешь? У меня сейчас, по твоей милости, чуть было ЧП не произошло. Ну, в чем дело, я тебя спрашиваю?!

— Помилуйте, Ян Викторович, какая-то халтура, о чем вы? — голос Анатоля был полон недоумения и обиды.

— Какая халтура, говоришь?! — Комарницкий стал еще больше похожим на льва, ибо в его голосе теперь появились рыкающие звуки. А кто мне третьего дня фильтры привозил, а?! Скажешь не ты?!

— Точно так, — смиренно подтвердил Анатоль. — Привозил, было дело, не отказываюсь.

— Так вот, мой милый, первый из них «сдох» через десять минут работы, второй протянул чуть больше. По твоей милости сейчас очень хороший и, не в пример тебе, умный человек едва не превратился в слабоумного идиота. Теперь ты понимаешь, о какой халтуре я тебе толкую?

Анатоль молчал. Даже на маленьком экране было отчетливо видно, как его лицо покрывается красными пятнами.

— Пойми, мой милый, — немного ослабив

нажим, продолжал Комарницкий. — Я ведь здесь работаю не с крысами и морскими свинками. У меня ведь живые люди! Ошибки в моей работе категорически недопустимы. А потому-то я требую не просто аппаратуру, а самую лучшую, наивысшего качества. А ты, как я вижу, этого никак не можешь понять!

— Ян Викторович! — начал было оправдываться Анатоль. — Я даже не могу представить, каким образом...

— Ах, вот так вот, ты не можешь представить? — вновь загремел Комарницкий. — А ну-ка, теперь попробуй представить, что будет, если по твоей милости у меня вдруг произойдет сбой? Представил? Нас уже однажды пытались прикрыть, а после ЧП — нас не только прикроют, но и прихлопнут. И правильно сделают, между прочим. После этого мы с тобой сгодимся лишь для того, чтобы нам доверили работу кибер — дворников, да и то я очень сомневаюсь, что доверят. Вот так-то, теперь ты понял!?

— Да, Ян Викторович, — смиренно ответил Анатоль. — Виноват, чего уж там. Я все понял. С сегодняшнего дня я лично стану проверять и перепроверять все, что вы заказываете. Заверяю — ЧП больше не повторится.

— Смотри! — Комарницкий говорил уже спокойно. — Я очень надеюсь на тебя. Ну ладно, до

встречи. Пока!

Он сунул видеофон в карман и обратил свой взгляд в окно бокса. Там двое техников доставали из шкафа транслятора испорченный фильтр, от которого валил дым.

— Это действительно настолько опасно? — спросил Сикорски. — Я имею в виду — сумасшествие...

— Да, нет, — рассеяно ответил Комарницкий, — это вряд ли. Автоматика все равно бы отключила программу. Так что Анатоля я ругал больше для порядка. Чтобы не подсовывал всякую непроверенную дрянь, — он немного помолчал, жуя губами, потом добавил: — И чтобы знал свое место, а то в последнее время он начал чересчур заноситься. А ведь молоко еще на губах не обсохло!

Некоторое время однокашники молча смотрели в окно, а затем Сикорски спросил:

— Как ты думаешь, Ян, он выдержит?

Комарницкий посмотрел на него удивленно.

— Ну, я же сказал тебе, что это не опасно...

— Я не о том, — перебил его Сикорски. — Понимаешь, в чем тут дело, — он немного замялся, не находя нужных слов. — Дело в том, что Максим сейчас принимает информацию человека очень необычного. Строго говоря — это даже не вполне человек.

— Не понял, — недоуменно протянул

Комарницкий, — как это — «не человека»? А кто же он тогда?

— Янек, — глаза Сикорски начали бегать, а на его гладком черепе проступили крупные капли пота. Наконец он решился:

— Дай мне слово, что все, что я тебе сейчас скажу, останется строго между нами.

Комарницкий, как это было принято у них еще в школе, приложил правую руку к груди, наклонил голову и с чувством произнес: «Чтоб я сдох»!

— Годится, — сказал Сикорски. — В общем, это... существо... житель другой планеты.

— С Саракша! — догадался Комарницкий.

— Точно! — подтвердил Сикорски. — с Островов.

— Мать божья! — нараспев произнес Комарницкий. — Это ж надо...! Да, но какое сходство! Я уж не говорю о чисто внешнем. Руди, но как же такое возможно, я ведь сам лично его осматривал! Я видел его анализы...

— Да, тут поневоле начнешь верить в Бога. Они как братья — близнецы, как сыновья одной матери.

— Теперь я начинаю понимать, зачем тебе понадобился дубликат этого парня. Ты хочешь забросить его на Острова?

Сикорски кивнул. Комарницкий на некоторое

время замолчал, в раздумье покачивая головой, затем заговорил:

— Это хорошо, что ты мне сказал о своих планах, Руди, иначе бы его раскусили в первый же день. Ты видел татуировку на правом запястье у этого, как ты выразился, существа?

— Конечно, — ответил Сикорски. — Стилизованный под субмарину морской змей, ты его имеешь в виду?

— Да, именно эту, — подтвердил Комарницкий. — А знаешь ли ты, что это не просто украшение, а своего рода опознавательный знак?

— Что?! — теперь пришла очередь удивляться Сикорски. — Ты уверен?

— Да, — ответил Комарницкий. — Кто-то из моих ребят сказал мне об этом мимоходом, но тогда я не обратил на это внимания — оно мне надо? А теперь всплыло в памяти. Это очень хорошо, что ты посвятил меня в детали своих намерений.

— Вы сможете в точности воспроизвести эту татуировку?

— Конечно, для нас невозможного — нет. Ребятки у меня — золото. Только это займет минут двадцать сверх нормы. Да, и рука поболит немного — и все. Но зато ни один эксперт не сможет отличить копию от оригинала. Эх, нам бы лет на двести назад перенестись с нашей-то аппаратурой!

— Это еще зачем?

— Так деньги фальшивые печатать!

Сикорски присвистнул и покрутил указательным пальцем у виска.

— У вас тут все с такими глупыми мыслями ходят, или только главврач? — спросил он.

— Да ладно тебе, — рассмеялся Комарницкий. — Уж и пошутить нельзя. Кстати, как мне кажется, ты беспокоился совсем о другом?

— Да, — согласился Сикорски. — Меня тревожит вот что: сумеет ли Максим «переварить» информацию этого моряка. Не то, где он родился и вырос, и даже не специфику его профессии, а психическое состояние потенциального убийцы. Да, несмотря на свой молодой возраст, он уже посмотрелся всякого. Но одно дело собственные ощущения, а другое — когда внутри тебя растворено совершенно чуждое тебе мировоззрение. Ведь экипажи белых субмарин формируются, как нам известно, отнюдь не из пацифистов. Как раз, наоборот, там все, от рядового матроса, до командира — такие подонки, что обычный рядовой садист по сравнению с ними покажется ласковым котенком. Вот я и хочу выяснить: получится ли у нас впрячь в одну телегу «коня и трепетную лань»?

— Ну вот, теперь я совершенно точно знаю, что от меня требуется, — сказал Комарницкий. — Главное в нашем деле — это ясность желаний

клиента, а уж, как нам их удовлетворить, мы и сами знаем.

На несколько секунд он задумался, как бы собираясь с мыслями, затем достал из ящика стола толстую тетрадь и быстро пролистал ее. Найдя нужное место, начал что-то подсчитывать, шевеля при этом губами и записывая результаты вычислений на листке бумаги. Затем взял в руки микрофон и отдал команду в бокс:

— Жак, послушай меня, на третьем уровне передвинь регулятор на два положения вниз. Сделал? Теперь смотри шестой. Сколько там сейчас? Девять и две? Доведи до ровной десятки. Пока все.

Затем он повернулся к Сикорски:

— Ну вот, теперь, я думаю, ничего страшного с ним не произойдет. Теперь твой Максим защищен. Я потом тебе, если хочешь, объясню, что к чему. Когда он вернется, я просто «сотру» его вторую личность, и он опять станет таким, как и прежде. Правда, до конца стереть все же не удастся, но процентов на восемьдесят пять — девяносто, я могу гарантировать. А, может быть, даже и больше.

— Годится! — Сикорски поднялся со стула и потер руками лицо. — Сколько времени продлится эта твоя экзекуция?

— Еще полтора часа, без мелочи, — сказал Комарницкий, глянув на большой циферблат на

пульте. Потом ему нужно еще отдохнуть. Хотя бы пару часиков.

Сикорски потянулся до хруста в костях:

— Янек, найди мне тоже какой-нибудь уютный диванчик, а? Спать хочу, прямо таки, зверски.

... Барон Турренсок очнулся от сна и повел глазами по сторонам. Он лежал на кровати в комнате без окон. Кроме того, рядом с его ложем стояли два табурета и тумбочка, на которой находилась, как это предписывалось корабельным уставом, аккуратно сложенная форма офицера подводного флота. Его форма, Турренсок отметил это про себя, как бы мимоходом. Но вот что это за комната, и каким образом он в ней очутился? Страшно болела голова. Боль пульсировала и мешала думать, сосредоточившись на чем-то конкретном.

Турренсок поднял руку, чтобы помассировать виски, при этом мелькнула татуировка — морской змей в виде субмарины. «Мой личный опознавательный знак!» — механически констатировал мозг. Но почему же кожа так нестерпимо зудит, как в тот день, когда ему, выпускнику училища, торжественно нанесли этот код на правое запястье? Непонятно и странно. И вообще, что это за комната, и как он в ней оказался? Неужели его ранило в бою?

Турренсок отбросил одеяло в сторону и внимательно осмотрел свое тело. Да нет, непохоже, вроде бы все на своих местах, да и шрамов свежих не прибавилось. Он перевел дух и принялся массировать виски. Постепенно боль начала уходить, и уже почти совсем исчезла, как вдруг, совсем рядом, в коридоре раздались чьи-то осторожные шаги, и вслед за этим в дверь осторожно постучали. Совершенно не отдавая себе отчета в том, правильно ли он поступает, Турренсок приподнялся на кровати и крикнул:

— Топи рант!

Дверь открылась, и на пороге появились друзья — однокашники: хмурый, со следами недавнего сна на припухшем лице Сикорски и сияющий, как бляха на ремне новобранца, Комарницкий.

— Ну, что я тебе говорил, Руди! — закричал торжествующе доктор. — Что ты только что сейчас сказал?

— Я сказал — «можно войти!», — ответил «Турренсок», немного помедлив и приходя в себя. Только теперь до него начало доходить, кто он и где находится.

— Вот видишь! — Комарницкий торжествующе развел руки в стороны. — В незнакомой обстановке его организм сам выбрал нужную линию поведения. Если бы он сейчас

находился в госпитале где-то на Островах и дал разрешение войти, сказав это по-русски, то беды бы не избежать — его бы моментально признали шпионом, а так, кроме смеха — ничего не случилось. Теперь тебе все понятно?

— Ясно, не тупой, — хмуро ответил Сикорски.

— Ну, а раз тебе все ясно, то из этого следует, что ты проиграл наше пари. Чем будешь расплачиваться — как в прошлый раз — «Кровью тахорга»?

— Экий ты кровожадный стал! — буркнул Сикорски. — Некогда мне по Пандорам разъезжать. — Я тебе лучше трехлитровый бочонок «Хонтийской росы» привезу. Не пожалеешь! «Кровь» по сравнению с «Росой» — не более чем самогон.

— Ладно, «Роса», так «Роса»! — добродушно согласился Ян Викторович. — Мне, в общем-то, безразлично, ты же знаешь — я пью очень умеренно, но ведь здесь — дело принципа.

Он уселся на один из табуретов.

— Ну, — обратился он к Максиму. — Как чувствует себя наш пациент?

Тот наконец-то пришел в себя от того неожиданного фортеля, который выбросил его организм.

— Голова еще побаливает, — он потер

пальцем переносицу. — А так, все вроде бы в порядке.

— Ну, что голова болит, так это нормально. Такую нагрузку перенести — это вам не по полосе препятствий пробежаться. Нагрузочка сверхъестественная. Странно, если бы голова у тебя не болела. В этом случае я бы сказал, что у тебя просто нет мозгов. — Комарницкий полез в карман, достал из него пакетик и вытряхнул оттуда несколько капсул желтого цвета. — На вот тебе леденчиков, полечи свою головушку. Глотай не разжевывая.

Максим сделал так, как ему было велено, и собрался было встать с кровати, но в глазах у него вдруг неожиданно потемнело так, что он чуть не упал на пол. Сикорски успел его подхватить и осторожно опустил на прежнее место.

— Минут через десять все пройдет, — успокоил Комарницкий. — Пусть пока еще полежит.

Сикорски кашлянул и выразительно посмотрел на друга.

— Что, простудился? — участливо поинтересовался у него Ян Викторович.

— Янек, мне бы надо кое о чем пошептаться с Максом, — ответил ему Сикорски. — Ты бы не мог нас на время оставить наедине?

— Комарницкий несколько секунд

внимательно смотрел на друга, а затем очень многозначительно произнес:

— М-да! — и обиженно поджал губы.

— Ну ладно, — сдался Сикорски. — В конце концов, ты и так уже знаешь, более чем... Оставайся, черт с тобой!

Комарницкий сразу же повеселел?

— Я тут тихонько посижу, а вы давайте... интересно же...

— Как твоя голова? — обратился Сикорски к Максиму.

— Уже гораздо лучше, — ответил тот, не открывая глаз. — Отпускает понемногу.

— Тогда слушай и запоминай! — Сикорски опустился на табурет и начал говорить:

— По прибытию на Саракш тебя и еще двух матросов, которые были вместе с этим офицером, вновь поместят в субмарину, на прежние места. В бессознательном состоянии. Потом, когда вы придете в себя, вас возьмут в плен и поместят в лагерь. Пару недель вы проведете в карцере, каждый в отдельной камере. Это необходимо, чтобы «замаскировать» то время, которое нам понадобилось на твою подготовку, а твои товарищи потеряли счет прошедшим дням. Тогда уже никто не сможет сказать, когда точно вас взяли. Понятно?

Максим кивнул головой — ясно, мол.

— После карцера вы какое-то время

поработаете на пользу общества, а точнее, Неизвестных Отцов, на местных стройках народного хозяйства. Не спорь, все должно быть предельно достоверно. А потом вам устроят побег. Уходить станете на катере. Это быстроходная военная машина, с очень простым управлением, так что справишься. А уже дальше придется надеяться только на себя. Что там будет на Островах... — Сикорски вздохнул. — Эх, мне бы туда! Но видно, пока — не судьба. Теперь вот еще что. Возьми-ка себя за кожу в районе локтя левой руки. Чувствуешь шарик?

Максим взялся за то место, где было сказано и, действительно ощутил там нечто, напоминающее горошину.

— Что это? — спросил он.

— Биоконструкция установки нуль — Т. Она хоть и небольшая, но в пределах Саракша мощности у нее хватит. Это на крайний случай, если возникнет необходимость срочно эвакуироваться. Сделаешь себе маленькое харакири, а как ее активировать — ты прекрасно знаешь. Прикрепишь установку на какой-нибудь плоский массивный металлический предмет. Это будет старт — платформа. Ну, а если все пройдет нормально, то изредка по ночам можно приходить в гости к нам.

Максим улыбнулся.

— Горячку там не пори, — продолжил Сикорски. — Осмотрись хорошенько, вживись, а уж потом начинай действовать в соответствии с обстановкой. Не вздумай делать карьеру, а то знаю я тебя — начнешь карабкаться наверх по черепам. Учти, опыта у тебя в интриганстве почти нет, а без него тамошних царедворцев, которые не один ряд зубов на этих делах стерли, не одолеть. Главное — закрепиться, хоть садовником, хоть помощником сторожа. Когда сделаешь это, постарайся выполнить первое задание — выяснить, где у них верфи. Ни на одном из снимков со спутника мы не смогли определить место строительства субмарин. А знать его — чрезвычайно важно. Кстати, — он усмехнулся. — Мы ведь с тобой до сих пор еще не знакомы. Расскажи-ка мне немного о себе. Как хочешь тебя звать — величать?

Максим наморщил лоб:

— Зовут меня — Турренсок. Происхожу я из очень древнего и славного баронского рода Кейзо. Все мои предки по мужской линии служили моряками на флоте Его Императорского Величества. Я не нарушил традицию. В позапрошлом году окончил училище, а на субмарине состоял в должности... — он наморщил лоб и немного замялся, подыскивая нужные слова. — ... Главным политическим вдохновителем.

Сикорски поднялся:

— Хорошо, пока достаточно. Остальное расскажешь по дороге, — он посмотрел на часы. — Времени в обрез. Ты сам идти сможешь?

— Да, все нормально, — сказал Максим, вставая с кровати. — Пилюля Яна Викторовича творит чудеса.

— Ну, тогда давай с ним прощаться и пойдем.

Они поочередно обнялись с Комарницким. Тот смахнул набежавшую слезу и сказал Максиму:

— Удачи тебе, сынок!

Сикорски еще раз кивнул однокашнику и, без лишних слов, первым вышел из комнаты.

Глава 4

Шаг... второй... третий... четвертый... Всего их триста пятьдесят четыре. Сосчитаны они давно — еще в первый день, и Максим чувствовал, что каждый из них дается все труднее и труднее. Время, как будто остановилось, а ведь это еще только полдень — самая жара, и работать в этом пекле предстоит долго, до позднего вечера. Хотя, назвать работой то, чем он занимается на протяжении последнего месяца — значит оскорблять столь высокое понятие, каким принято считать труд. Набрать корзину битого щебня в карьере, затем, держа этот груз на плече, подняться по

деревянному трапу, пройти по пыльной тропинке до неглубокого обрыва, под которым уже дожидается очередной самосвал, и вывалить камни в его кузов. Идти необходимо осторожно, чтобы не оступиться на каменной крошке и не загреметь вниз с двадцатиметровой высоты. Потом предстоит спуск вниз за новой порцией. И так весь день. Корзина с камнями весит килограммов тридцать пять — сорок. Не так уж и много для тренированного молодого человека, но уж больно тупая эта работа. За несколько дней уровень интеллекта падает катастрофически, почти до нулевой отметки. Прямо-таки, кусками отваливается и остается лежать там, в карьере, на трапе и даже падает в кузов самосвала. И сколько времени продлится еще эта каторга — непонятно. Сикорски обещал, что не станет затягивать с побегом, но дни бегут, силы тают, а от руководителя операции нет ни ответа, ни привета.

«Еще день продержусь, а потом не выдержу — сам сбегу, без всякой помощи. То-то переполоху будет!» — злорадно подумал Максим, вываливая камни из корзины в кузов. Он вытер пот тыльной стороной ладони, выпрямился и оглянулся вокруг. Из карьера гуськом по трапу тянулись такие же, как и он бедолаги — каторжники. Чуть выше того места, где все они опорожняют корзины, на невысоком гребне сидят легионеры с автоматами

наизготовку.

Все, нужно спускаться вниз, а то ближайший к нему солдатик с глуповатым деревенским лицом и оттопыренными ушами, сегодня какой-то очень уж нервный. Может, он письмо из дома получил, где сказано, что невеста, не дождавшись его со службы, выгодно выскочила замуж за сына местного преуспевающего бакалейщика. А может, у парня просто изжога после утрешней перловки... Одним словом, жизнь у него с утра дала трещину, а тут еще его совсем некстати назначили в конвой, на охрану этих полутрупов. Да, такой шмальнет из своего автомата, не особо задумываясь, зачем он это делает, хотя бы просто для того, чтобы поднять свой жизненный тонус. Он даже не по заключенному шмальнет: за просто так убиенного с него могут и взыскать. Нет, он шмальнет рядом, чтобы падаль эту ходячую подстегнуть. Чтобы он, гадюка имперская, запрыгал, как бы танцуя, и тем самым развеял грусть — тоску, а заодно и остальных собратьев по охранному ремеслу повеселил. «Все должно быть предельно достоверно», — вспомнил Максим фразу, произнесенную Сикорски, и невесело усмехнулся.

У них, у охранников, жизнь ведь, в сущности, тоже не сахар. Развлечений особых нет, вот они их и придумывают сами, а изобретательность в этом деле, как правило, ограничена размерами портупей.

Недаром ведь дядюшка Кану иронично подтрунивал над ним с Гаем: «Как надену португею, так тупею и тупею». Нет, с нервным охранником действительно лучше не связываться. Сейчас рисковать нельзя. Максим тяжело вздохнул и поспешил в карьер.

Операция «Микроб», по его мнению, началась успешно. Прогрессоры вытащили белую субмарину из укрытия, где она находилась все то время, пока готовили Максима, и отбуксировали точнехонько в то место, где лодка потерпела аварию. Затем очень быстро восстановили на ней ту обстановку, которая обычно бывает на судне минут тридцать спустя: дым, гарь, тела погибших в характерных позах. В этот «интерьер» поместили двух бесчувственных матросов и Максима — Турренсока, очень удачно имитировавшего состояние человека, пережившего удар взрывной волны. После этого земные наблюдатели мгновенно исчезли с места происшествия, предоставив дальнейшим событиям развиваться естественным путем.

Матросы, пришли в себя почти одновременно, но в тот момент, когда они совсем уж было собрались покинуть тонущее судно, раздался слабый стон «вернувшегося из небытия» «Турренсока». Спасение товарищей по оружию, в особенности старших по званию, являлось для моряка подводника Империи делом чести. Поэтому

Максиму сунули под нос флакон с какой-то гадостью, приводившей в чувство еще лучше нашатыря, после чего, взяв под руки, вытащили на палубу. Лишь там Максим позволил себе слабым голосом осведомиться о том, что же случилось.

— Лодка тонет, надо срочно уходить! В живых остались только мы, — ответил ему матрос по имени Серк.

«Турренсок» с усилием поднялся на ноги и, опершись на плечо второго матроса, которого звали Клуг, спросил:

— Вы уверены, что живых больше нет?

— Так точно, вашдитство! — по-уставному отрапортовал Серк. — Проверяли, мы единственные, кто уцелел после взрыва.

— Хорошо, — распорядился «Турренсок». — Берите личное оружие, мешки с сухим пайком и выходите, а я пока уничтожу секретные документы. Нельзя чтобы они достался врагу.

Вскоре моряки уже выбрались на берег, уселись среди огромных валунов и начали обсуждать план своих дальнейших действий. Решили скрытно двигаться берегом моря, искать какое-нибудь судно, хотя бы небольшое. Если понадобится — захватить его, а уж дальше вверить себя воле волн и Морского Бога.

Они прошли несколько километров, когда на них «совершенно случайно» наварлся танковый

патруль береговой охраны. Бежать или отбиваться не имело смысла — танкисты двумя короткими пулеметными очередями строго ограничили рамки свободы подводников, а затем погнали их в плен.

Следующие две недели они просидели в карцере — каменном мешке без окон, где чувство времени терялось очень быстро. Это было главное, чего добивался Сикорски: в случае чего никто из пленников не смог бы точно вспомнить, сколько же они просидели — десять или двадцать дней, потому что часы у них предварительно отобрали. А потом — лагерь, работа в каменоломне и ожидание.

Заключенные успели сделать еще по два рейса, и лишь после этого раздался долгожданный сигнал, призывающий их на обед. Меню традиционное, повторяющееся изо дня в день: миска бурды из какой-то разновидности местной брюквы, именуемая здесь супом, вяленая рыба с максимально возможным содержанием в ней соли, да кружка мутной жидкости, которую здесь надлежит называть чаем. После такого обеда желудок, по наблюдениям Максима, начинал работать как-то уж очень «удивленно».

«Островитяне» старались держаться вместе. Охрана очень строго следила за тем, чтобы заключенные не переговаривались между собой. В карцере троица подводников сидела порознь, каждый в индивидуальном отсеке. Турренсока, как

офицера, старательно изолировали от основной массы. Но делалось это не из какого-то особого к нему уважения, а по чисто практическим соображениям: старший по званию способен стать инициатором беспорядков или коллективного побега. Рядовой, правда, тоже на многое способен, но командир есть командир, у него организаторских способностей все же побольше. Так что, напрямую переговорить со своими подчиненными Турренсоку не удавалось, и тогда он избрал другой способ для общения. Когда колонну заключенных вели на работу, он становился в строй рядом с Клугом, брал его руку в свою и, легким касанием пальцев, при помощи кода Мэга, который знал любой моряк, передавал все, что хотел сказать.

Сегодня, когда его терпению пришел конец, Максим «сказал»: «Будьте внимательны и держитесь поближе ко мне». Клуг все прекрасно понял и в знак этого едва заметно кивнул головой. Вот и сейчас, он вместе с Серком расположился неподалеку, изредка бросая осторожные взгляды в сторону своего начальника.

Прозвучал сигнал об окончании обеда, и каторжники нехотя начали подниматься. Неспешным шагом, почесываясь, позевывая и потягиваясь, они подошли к тому месту, где были свалены корзины, разобрали их и, построившись цепочкой, приступили к работе.

И снова шаг... другой... третий... Максим уже давно потерял счет количеству перенесенных за сегодняшний день корзин, да и был ли хоть какой-то смысл их пересчитывать? Труд все равно рабский, и даже спасибо за него никто не скажет, не говоря уж о чем-то более существенном. Думать о том, как будет выглядеть их побег? Но он уже не один десяток раз прокручивал в уме самые разные варианты, и при этом понимал, что наяву все будет выглядеть совсем иначе, с новыми эпизодами и действующими лицами.

Где-то рядом коротко и гулко простучала автоматная очередь, но Максим даже не замедлил шага, и не оглянулся. И без того все ясно: еще чья-то грешная душа, не выдержав тех лишений, которое испытывает тело, вырвалась из него и устремилась в лучший мир. А вернее, ей помогли вырваться и устремиться.

А время все тянулось, тянулось и тянулось... Но, наконец, прозвучал сигнал, известивший об окончании рабочего дня. На сегодня все. Сейчас их построят и поведут в лагерь, а там уже ждет переключка, более чем скромный ужин, после чего можно будет вытянуться на узких и жестких нарах, забыться тревожным сном. До утра. А назавтра опять сюда, чтобы целый день снизу наверх таскать опостылевшую тяжелую корзину, ежеминутно ожидая выстрела в затылок.

«А может быть Сикорски, таким образом, проверяет меня, мою способность пойти на самостоятельные шаги?»

Эта мысль, нечаянно пришедшая в голову, возбудила в Максиме жажду действий, причем незамедлительных. Решение пришло мгновенно. Он нашел взглядом обоих матросов и кивнул им, мол, будьте рядом, после чего начал пристраиваться в конце колонны. Клуг и Серк, поняли его и встали рядом. Конвойные навели порядок, и длинная лента каторжников потянулась к выходу из карьера.

Осторожно посматривая по сторонам, Максим все же старался как-то отвлечься, и думать сосем не о побеге. Например, о Раде, которой вскоре предстоит стать матерью.

Внезапно ему почудилось, что она в этот момент занимается чем-то таким, что как-то связано с появлением на свет их первенца. Мысль эта показалась Максиму настолько интересной, что он увлекся ею, представляя тот момент, когда ему удастся взять на руки своего ребенка. Кого же произведет на свет его супруга — мальчика или девочку? Хотя, какая разница. Главное, что это будет их малыш, дитя двух миров.

Внезапно где-то рядом послышался посторонний звук. Максим очнулся от грез и огляделся. Дорога в этом месте проходила очень близко от моря, а звук исходил от работающего

двигателя небольшого катера береговой охраны, приставшего к берегу в каких-то пятидесяти метрах от того места, где сейчас проходили заключенные. Разглядывая судно, Максим невольно замедлил шаг, но тут же почувствовал сильный тычок в спину. От неожиданности и той силы, с которой был нанесен удар, он не удержался на ногах, споткнулся и упал вперед, инстинктивно вытянув руки. Но коленку все же зашиб и довольно сильно. Превозмогая боль, Максим перевернулся на спину, попытался сесть и увидел перед собой разъяренное от гнева лицо того самого лопухого мальчишки — легионера, уже готового добить упавшего каторжника. Выражение его глаз было таким, что стало понятно: этот выпустит очередь и даже глазом не моргнет, а стало быть, ждать пока Сикорски организует побег, смысла уже нет. Тут не до жиру, нужно спасать свою драгоценную шкуру, пока ее не продырявили!

Все дальнейшие действия заняли у Максима какие-нибудь мгновения. Конвойный приблизился к поверженному каторжнику слишком близко, по предыдущему опыту зная, что активных ответных действий ему ждать не придется. И ошибся, не учтя того обстоятельства, что в любом правиле существуют исключения. Подъемом левой ноги Максим зацепил пятку солдата, а правой нанес сильный удар в колено. Теряя равновесие, конвоир